

В «Лорнете» и в русском журнале изображены две разновидности одного типа, между которыми общее только приятные черты лица и головной убор черного цвета. В главной своей сущности они совершенно не похожи: французская святоша — распутница, надевшая личину благочестия; русская — фанатичка, доводящая себя и своих крестьян до изнурения. Не было бы никаких оснований считать первую литературным прототипом второй, если бы письмо из «Адской почты» не совпадало идеально со страницами, до которых дошел Эмин в своем движении по «Лорнету». Когда письмом № 83 он достиг конца брошюры, в ней оставался неиспользованный материал на страницах 14—18, 26—33, 35—37, 42—45. С № 84 он, как уже говорилось, двинулся в обратном направлении, взяв сначала страницы 42—45. Письмо № 85 содержит две зарисовки, из которых второй в памфлете соответствуют страницы 32—33. Следовательно, если первая зарисовка, а именно портрет святоши, подсказана тем же источником, то материал, из которого она выросла, должен быть на страницах 35—37. Именно здесь расположен фрагмент о благочестивой развратнице. Тем самым можно считать доказанным, что совпадение темы было не случайным.

Подобным же образом подтверждается связь и в ряде других случаев, когда русский текст имеет вид совершенно самостоятельного сочинения (например, письма № 56, 58, 61). Но если фрагмент, в отношении которого возникает предположение, что он мог послужить Эмину отправною точкою, «выбивается» из последовательности используемых страниц французского источника, то задача усложняется и бесспорного решения не имеет. Примером этого можно взять письмо № 1, в котором рассказывается о перебранке в театре между дамами, оспаривавшими друг у друга право занять лучшее место. Похожая сцена имеется и в первом «Лорнете»: здесь две женщины дерутся у входа в преисподнюю, не желая уступить одна другой туда дорогу (ср.: VII, 9—10 и L 17). Полное несовпадение в данном случае французского и русского текстов не является само по себе достаточным признаком отсутствия направленной от первого ко второму генетической связи, поскольку метод работы Эмина допускал столь «глубокое» творческое переосмысление подлинника. Коль скоро, начиная составлять июльский номер «Адской почты», Эмин уже знал содержание всех памфлетов, не исключается вероятность того, что по какой-то причине эта жанровая сценка особо привлекла его внимание и он по-своему обыграл ее в самом первом письме. Это предположение не находит сколько-либо веских доказательных аргументов, но имеется ряд обстоятельств, свидетельствующих косвенно в его пользу. Главное из них то, что к страницам, на которых описывается драка (L 17—18), Эмин более ни разу не обратился, хотя проштудировал 8-й памфлет весьма основательно и в прямом, и в обратном направлениях. Далее, как раз в мае, когда, очевидно, развернулась основная подготовка июльского выпуска, в газетах была напеча-